

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

«Король Лир» и переосмысление

Цель: ознакомиться с эссе Дональда К. Фримена «Согласно моим обязательствам: «Король Лир» и переосмысление» и анализом пьесы Шекспира с точки зрения теории воплощенного познания и когнитивной метафоры.

Ключевые слова: когнитивный, метафора, воплощенное познание, баланс, связка, схема.

В данной лекции мы рассмотрим эссе Дональда К. Фримена «Согласно моим обязательствам: «Король Лир» и переосмысление».

В этом эссе преподаватель английского языка Университета Южной Калифорнии Дональд К. Фримен, утверждает, что «Король Лир» следует рассматривать с точки зрения теории воплощенного познания и когнитивной метафоры Лакоффа и Джонсона. Король воспринимает мир, используя когнитивную схему учета и баланса, но ему противостоит другая познавательная метафора, которая представляет семейные отношения как звенья.

Развивающаяся теория когнитивной метафоры дает многообещающую основу для анализа образного языка в литературных произведениях. В частности, когнитивная метафора описывает языковые модели, подобные более крупным художественным структурам, а также конкретные интерпретации, которые являются более прямыми, чем существующие интерпретации, основанные на языке литературных произведений. Д. К. Фримен демонстрирует работу теорию при анализе «Короля Лира» Шекспира.

Метафора и схематизированные телесные переживания

Метафора является частью образного языка, который контрастирует с «буквальным», нефигуральным языком. «Буквальный» язык, в том числе не литературные метафоры, является немаркированным и обычным, а образный язык, включая литературные метафоры, является отклоняющимся, актуализированным, выделенным, сделанным странным. «Отклонение» относится к языковому универсальному набору семантических признаков и комбинаторных правил, внешних по отношению к индивидуальному познанию. Лакофф характеризовал эту точку зрения как объективистскую. Классически метафора рассматривается – и не только в лингвистически обоснованных теориях – как отклоняющаяся и паразитическая структура; мы характеризуем метафоры с точки зрения их отклонения от обычного, неметафорического языка.

Именно эти две характеристики метафоры – то, что это структура, паразитическая по отношению к обычной языковой структуре, и то, что ее можно объяснить с точки зрения отклонения от семантических интерпретаций обычного, неметафорического языка, отвергаются когнитивной метафорой.

Мы переживаем физическим опытом, который составляет структуру и согласованность из непропозициональных схем (не выраженных словесно), извлекаемых нами из них. Наша склонность к извлечению этих схем является фундаментальным свойством ума. Мы проецируем элементы структуры и компоненты наших физических переживаний на наши нефизические, абстрактные переживания. Именно это чувство проекции из схематизированных телесных переживаний представляет собой утверждение метафоры как воплощенного человеческого понимания.

Баланс

Рассмотрим, например, знаменитую строку из «Короля Лира»: «Я человек/Более грешен, чем сам грех». Контекст дает понять, что эта строка олицетворяет чувство высшей справедливости Лира, что в истинно справедливой вселенной он не согрешит больше того, чем уже согрешил, что, если бы существовала справедливость, грехи Лира уравновесили бы его страдания. Это понятие баланса является основополагающим для нашей идеи справедливости: мы понимаем абстракцию справедливости с точки зрения физического равновесия. Концепция

горизонтального баланса доминирует как над нашим невербальным, так и надвербальным языком о справедливости. Наши суды принимают решения по гражданским искам в соответствии с «преобладанием» или большим весом «доказательств». Показания свидетеля можно назвать «предвзятыми». Наша икона справедливости – женщина с завязанными глазами, держащая в руках весы с двумя чашами. Все эти и многие другие метафоры, связанные с такими, казалось бы, разрозненными понятиями, как математическое равенство, штампы в изобразительном искусстве и определенные виды музыкальной прогрессии, проецируются из невербальной, непропозициональной, нерепрезентативной схемы баланса. Теория когнитивной метафоры утверждает, что мы проецируем элементы этой схемы – объекты (элементы, которые балансируют) и отношения между этими объектами (противодействие или равенство) – на элементы наших более абстрактных переживаний.

Но схема баланса также фиксирует такие строки, как слова Эдгара «Он был ребенком,/Я же был отцом», в которых страдания Лира, причиненные его дочерьми, уравниваются страданиями Эдгара, причиненными его отцом Глостером (тем самым создается баланс между сюжетом и главной сюжетной линией пьесы).

Лир разбирается в отношениях между родителями и детьми в терминах схемы баланса, даже когда Корделия выходит за пределы этой схемы. Фриман приводит не все, лишь некоторые примеры, которые являются метафорами правосудия. Но они происходят из общего источника, воплощенного, культурно укрепленного опыта равновесия.

Этот источник, схема баланса, лежит в основе более богатой, более важной и ранее необъяснимой структуры метафоры в пьесе: структуры финансового учета. Термины и фразы, такие как «лишать», «оцените меня по ее достоинству» участвуют в схеме баланса, но не являются метафорами справедливости. Их можно лучше объяснить в более плотно структурированном сценарии баланса финансового учета.

Связка

Второй богатый источник метафоры в «Короле Лире» – такая же простая схема связи, которая состоит из двух объектов, соединенных элементом связывания. Эти три составляющие (два объекта и соединительный элемент) схемы связи, подобные составляющим схемы баланса, отображаются на широкий спектр нефизического опыта человека. Источником схемы связи является наша буквальная физическая связь с биологическими матерями. Затем мы переходим к «сцеплению» с нашими родителями, родственниками и друзьями.

Эти две мощные перцепционные структуры закрепляют и дают обозначение ранее не обоснованным и несвязанным критическим общим местам. Например, основной тезис и общее место исследований этой пьесы Шекспира состоит в суждении, что в начальной сцене драматург создает атмосферу и направленность всех последующих действий пьесы. Фактически она является доминирующей схемой пьесы. В пьесе «Король Лир» циничный рассказ Глостера Кенту о происхождении его сыновей создает конкурирующие схемы баланса и связи. Глостер демонстрирует, что, как и Лир, он понимает родительские отношения через метафору дети – финансовые активы, то, что вскоре разыгрывается перед аудиторией в ритуале ухода Лира.

Эти конкурирующие схемы баланса и связи составляют значительную часть метафор пьесы, которые традиционные подходы анализа языка пьесы оставляют несвязанными. Более того, эти схемы и тот анализ, который они делают возможным, представляют собой ранее неоткрытые эмпирические данные для сопоставления образного языка пьесы с такими структурными элементами, как повествование, сюжет и отдельные группы персонажей.

Но, отмечает Д. К. Фримен, неизвестно, как используется теоретический аппарат для объяснения этого баланса, моделей метафоры, которые он описывает, и отношений между этими уровнями. Именно эта большая объясняющая сила и составляет основной вклад в литературную теорию когнитивной метафоры.

Бухгалтерские книги Короля

Первая сцена «Короля Лира» представляет собой своего рода метафорическое изображение судебного разбирательства, аудита финансовых учетных книг и более общего сценария финансового учета, принятого в Англии во времена Шекспира. Так же как финансовые обязательства накладываются официальным лицом, ведущим финансовые учетные книги и собирающим налоги, так в пьесе и король Лир выступает человеком, который некогда обязал своих дочерей и теперь взыскивает с них долг и требует выполнения этих обязательств.

В рамках этого сценария центральной для Лира и менее важной для других персонажей является главная метафора, выражающая «историю» сцены, – дети – финансовые активы. Лир понимает своих дочерей так же, как он понимает богатство, недвижимость, активы и долги. Ожидается, что финансовые активы обеспечат возврат капитала их владельцам (здесь, их отцам). Финансовые активы периодически подвергаются аудиту для проверки того, обеспечивают ли они достаточный доход и как доход от одного актива сравнивается с доходом от другого, так что, при необходимости, инвестиционная стратегия может быть пересмотрена. Активы, которые обеспечивают лучший доход, могут стать объектами дальнейших капиталовложений. От плохо работающих активов избавляются, а деньги, полученные от продажи, перераспределяются в те активы, которые работают хорошо.

Модель финансового учета и аудита, с которой Шекспир и его аудитория, вероятно, были более знакомы, представляла собой полугодовое урегулирование королевских счетов с шерифом каждого графства для субсидий от короля в округ и получения дохода от графства королю. На этом разбирательстве казначей зачитывал из своей копии отчета за финансовый год (документ в виде национального гроссбуха) сумму, причитающуюся королю от шерифа. Сотрудники казначейства размещали на клетчатой ткани (покрывающей стол, используемый для церемонии) муляж счетчиков, выражающих сумму, которая причиталась короне. На противоположной стороне клетчатого стола находился шериф. По мере того как казначей называл суммы, шериф помещал в соответствующие клетки бирку с цифрой, купон и деньги или драгоценности, чтобы сбалансировать счетчик. Это устанавливало ежегодный счет между королем и шерифом.

Только данная церемония, слушание или аудит государственных счетов более удовлетворительно объясняют необычайно ритуальный характер этой первой крупной сцены пьесы. Большая часть языковых средств, важных для выражения Лиром его «быстрого намерения», может быть одновременно интерпретирована в семантических рамках финансового учета и государственного управления. Он призывает своих дочерей «рассказать» (т. е. подсчитать, а также установить связь), кто из них будет больше любить его, чтобы он мог больше инвестировать в эту дочернюю любовь, которую семантический каркас диктует нам понять как капиталовложение. Каждой дочери предписывается «говорить». Лир будет слушать, что каждая говорит в пользу своего счета, и «расточать (свою) щедрость».

Гонерилья формулирует свое заявление, используя финансовую терминологию. Любовь, которую она несет отцу, «дорогая», слово с финансовым и ласковым смыслом; что ее любовь «превосходит то, что может быть оценено». Учет Реганы более конкретный. Она утверждает, что она из того же золота, что и ее сестра, и оценивает себя наравне. В основе всего этого, опять же, лежит схема баланса. Лир стремится уравновесить свою «щедрость» любовью, которую, как говорят его дочери, они испытывают к нему; его новые инвестиции в них должны уравновесить доход, который он получил от своих предыдущих инвестиций.

Корделия сразу же отвергает финансовую метафору в пользу ее собственной версии – схемы баланса, в которой духовное весит больше (и, следовательно, ценится больше), чем его буквальное выражение. Она должна удержать равновесие между желанием своего отца услышать от нее выражение дочерней любовью таким образом, чтобы он смог оценить это в учетных книгах дочерней преданности, и в то же время стремлением оставаться верной своему «духовному» пониманию любви. В своих первых словах в пьесе Корделия демонстрирует относительную ценность, которую она накладывает на чувства и слова: «Что будет говорить Корделия? Она будет любить и молчать». Для нее чувства всегда перевешивают слова; они никогда не могут

уравновесить друг друга, и потому она отказывается говорить слово, связанное со сценарием финансового аудита, посредством которого осуществляется учет дочерней и отцовской любви.

Далее. Она отвергает представление о том, что отцовский подарок должен быть «представлен» как зарплата. Все, что она может сказать – это «ничего». Для нее важно то, что она чувствует, но чувствам нет места в финансовых аудитах. «Ничего» Корделии понимается ее отцом только как число.

С этого момента начинается процесс рамочной конкуренции, который подрывает церемонию Лира и приводит к тому, что Корделия лишается наследства. Схему баланса, лежащего в основе сценария финансового учета Лира, Корделия стремится заменить схемой связи. Она старается переопределить понимание своим отцом семейных отношений как элементов бухгалтерского баланса в понимание, характеризуемое главной метафорой: семейные отношения – это связка. Она начинает этот процесс многозначным словом «обязательство», которое существует в двух конкурирующих корпусах: как в финансовой сфере, так и в сфере родственных отношений:

«Я люблю Ваше Величество/Согласно моему обязательству; ни больше, ни меньше», – говорит Корделия.

С самого начала Корделия ясно заявляет, что понимает «обязательство» с точки зрения сценария финансового учета своего отца. Во времена Шекспира долговое обязательство, финансовый инструмент, было «безусловным денежным обязательством». Это было финансовое или иное обязательство, взятое без обеспечения. Для Корделии любить своего отца согласно ее обязательству – значит любить его полностью; такая любовь не может быть большей (полной) или меньшей (частичной) из-за характера финансовых безусловных обязательств.

Д. К. Фримен обозначил то, что одна и та же метафора управляет нашим пониманием таких фраз, как «семейные узы» и «родительские обязательства». Лир не может разделить богатство метафорического понимания Корделии и отвечает исключительно финансовыми терминами.

Когда Корделия говорит о своих «обязанностях» перед отцом, она использует глагол «возвращать». В рамках учета мы говорим об инвестициях, когда «возвращают» такой-то процент. То, что Корделия «вернет», она характеризует как «обязанности», термин, который резонирует в рамках как баланса, так и связи.

Таким образом, в начальной сцене Шекспир вложил основные темы пьесы в рамочный сценарий финансового аудита, который зависит от схемы баланса. Лир сам видит государственность и отцовство исключительно в абстрактных, количественных терминах.

Гонерилья и Регана знают, что его беспокоит количество людей из его окружения. Они сокращают число его слуг, а вместе с ними и его авторитет, статус, стоимость – от ста до нуля. Лира осеняет, что в семейных отношениях сделка не обязательно является сделкой, независимо от того, что говорят бухгалтерские книги или какие условия указаны в договорах. Лир, великий оценщик, теперь без ценности, ноль, король без королевства, отец без дочерей, человек без положения. Шут применяет принцип бухгалтерского учета Лира: «Я лучше, чем ты сейчас: я шут, ты – ничто».

Восклицание Лира «Резон не в потребности» указывает на происходящую борьбу между финансовой отчетностью и метафорами связи, играющими решающую роль в концептуальной структуре пьесы. Исторически «резон» означал в качестве одного из своих номинальных значений денежный расчет. Термин «потребность» обозначает желание Лира соответствовать «имени короля», чей статус поддерживается в том числе количеством его слуг; именно это определяет для Лира королевский статус, независимо от того, что покажет учет дебета и кредита, анализ затрат и выгод. Впервые для Лира человеческие связи начинают перевешивать балансы счетов. «Истинная потребность» не может быть учтена и подсчитана.

Когда начинается восстановление Лира, мы видим, что восстановление осуществляется через схему связи. Лир демонстрирует закономерность связи: от физического ощущения к психологическому чувству, от конкретного к абстрактному, от своих физических страданий к духовному сочувствию страданиям другого. Так, он вновь осознает и восстанавливает свое место в мире с точки зрения этих связей, сначала связавшись с физическим чувством (холодом), затем с духовным чувством (эмпатия), потом с людьми (Шут).

Д. К. Фримен предложил анализ с точки зрения когнитивной метафоры. Эта теория позволяет, утверждает автор, не просто описывать, а объяснять те или иные закономерности, и объяснять их взаимосвязи на разных структурных уровнях пьесы, используя тот же теоретический аппарат. Более того, анализ, создаваемый когнитивно-метафорическим подходом, более обоснован, чем ранее производимая просто критическая работа.

Вопросы для закрепления темы:

1. Что такое когнитивная метафора?
2. В чем преимущество когнитивно-метафорического подхода?

Литература:

1. Levin S. R. Poetry and grammaticalness// Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists. - Mouton, The Hague, 1964.
2. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.
3. Johnson M. The Body in the Mind. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.
4. Green W. History and Survey of Accountancy. Brooklyn, NY: Standard Text Press, 1930.